

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ДЕКАБРЬСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ 1905 г. В МОСКВЕ

Г. М. Деренковский

Всероссийская Октябрьская политическая стачка вынудила царизм отступить, пойти на уступки народу¹. Но то был лишь частичный успех, не решивший главных задач всенародной борьбы. Революция не обладала еще силой, достаточной для свержения царизма и установления демократической республики, а ослабленный царизм оказался уже неспособным справиться с натиском революции. На короткое время в стране установилось как бы «равновесие» противоборствующих сил. Всеобщая политическая стачка как самостоятельное средство борьбы исчерпала себя и впредь могла сыграть свою роль в революции только в сочетании с вооруженным восстанием, становясь исходным его пунктом и сопутствуя ему. III съезд РСДРП (апрель 1905 г.), взявший курс на вооруженное восстание, поручил всем социал-демократическим организациям разъяснять роль массовых политических стачек, которые «могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания»², и пришел к заключению, что революционное движение в стране уже привело к необходимости вооруженного восстания, в котором пролетариат как гегемон революции должен сыграть ведущую роль. Документы съезда обязывали партийные организации сосредоточить внимание на практической, организационной, военно-технической стороне предстоящего восстания³.

Реализуя решения съезда, большевики развернули всестороннюю подготовку восстания. Большевистские нелегальные газеты, листовки, брошюры несли в народ революционные идеи и лозунги партии, звали его на вооруженную борьбу, популяризировали военные знания. При ЦК РСДРП была создана боевая техническая группа, возглавленная членом ЦК Л. Б. Красиным и тесно связанная с боевыми организациями, возникавшими при городских комитетах РСДРП. Преодолевая огромные трудности, партия значительно активизировала военную работу. Увеличивалось число городских комитетов РСДРП, которые вели работу в войсках. Осенью 1905 г. в стране действовало 27 социал-демократических военных организаций⁴. Вскоре после III съезда РСДРП военно-боевую работу развернул, в частности, Московский комитет РСДРП. Была создана боевая организация, которую возглавлял Л. Н. Кудрявцев («Евгений»), и военная во главе с А. Н. Васильевым («Андрей»). Последняя налаживала связи с частями московского гарнизона, создавала в них свои ячейки, распространяла большевистские издания, вела агитационную работу за переход войска на сторону революционного народа. По инициативе МК РСДРП началось формирование боевых дружин. Боевая организация приобретала для них оружие, организовала подготовку дружинников, создала лаборатории по производству бомб.

Осенью 1905 г. военно-техническая подготовка восстания в Москве значительно усилилась. Шла мобилизация денежных средств, необходимых для приобретения оружия. Наряду со сбором народных пожертвований по подписным листам на митингах и собраниях МК РСДРП получал крупные суммы от М. Ф. Андреевой и А. М. Горького, чья московская квартира в доме на углу Моховой и Воздвиженки, помимо всего

¹ См. подробнее: И. М. Пушкарева. 1905 год. Всероссийская Октябрьская политическая стачка. «Вопросы истории», 1975, № 10.

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е. Т. 1, стр. 113.

³ См. там же.

⁴ «Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции». М. 1975, стр. 152—157.

прочего, использовалась боевой организацией для своих нужд; от писателя Н. Г. Гарина-Михайловского; от студента Московского университета Н. П. Шмита, унаследовавшего мебельную фабрику на Пресне, и от других лиц.росло число боевых дружин. Подвал Московского Высшего технического училища превратился в тир, где шло обучение стрельбе. Другим «учебным пунктом» было реальное училище И. И. Фидлера, предоставленное хозяином в распоряжение боевых дружин и ставшее их центральным сборным пунктом⁵. С конца октября здесь собирался Коалиционный совет боевых дружин, созданный для координации действий революционных боевых сил и борьбы с черносотенцами.

К середине ноября сформировалась коллегия московской большевистской боевой организации в составе Л. Н. Бударянцева (председатель), А. Н. Васильева (представитель военной организации), Д. Д. Гиммера («Григорий Иванович») — начальника штаба всех дружин, А. А. Ильина («Ермил»), заведовавшего разведкой, и других. Коллегия сумела раздобыть планы московского водопровода, электрических кабелей, канализации, схемы станционных путей московского железнодорожного узла, материалы о расположении и распорядке работы ряда учреждений, банков, военных складов⁶. По мере приближения решающей битвы энергичнее работали активисты боевой организации. Среди них особенно выделялся П. А. Заломов, приговоренный по делу Сормовской демонстрации 1 мая 1902 г. к ссылке и бежавший оттуда, чтобы продолжать борьбу против самодержавия. Для подготовки восстания намечалось сделать еще довольно много, но быстрое развитие событий опережало планомерную подготовку штурма.

Одним из наиболее зримых показателей назревавшего восстания был рост политических стачек в стране и массовое возникновение Советов рабочих депутатов в октябрьско-ноябрьские дни. Московский Совет рабочих депутатов собрался на первое заседание 21 ноября 1905 года. Одновременно в Москве возникли районные Советы. Советы расценивались большевиками как органы грядущего вооруженного восстания и как зачатки новой, революционной власти. В стране отмечался небывалый рост крестьянского движения, которое во многих случаях приобретало характер настоящего антипомещичьего восстания. Ярким выражением развития революции по пути ко всеобщему вооруженному восстанию явились восстания в армии и на флоте в конце октября и в ноябре — в Кронштадте, Владивостоке, Киеве, Харькове, Ташкенте, Пятигорске, Севастополе⁷.

Своеобразное «равновесие» борющихся сил оказалось крайне неустойчивым и вскоре было нарушено. Царизм оправился от октябрьского шока, организовал контрреволюционные силы и стал переходить в наступление. Царское правительство жестоко подавило военные восстания. Карательные войска беспощадно расправлялись с крестьянским движением. В Москве было арестовано руководство Всероссийского крестьянского союза (ВКС) и почти одновременно — активные деятели Всероссийского союза почтово-телеграфных служащих, который в ответ начал всеобщую забастовку и заявил о своей солидарности с Советами рабочих депутатов. Советы поддержали всероссийскую забастовку связистов, оказывая им всевозможную помощь. Петербургский Совет одобрил также инициативу ВКС и совместно с ним и революционными партиями обратился к населению страны с «Финансовым манифестом», призвав изымать вклады из сберегательных касс и требовать при любых расчетах, включая заработную плату, выплаты всей суммы только золотом. Одновременно предлагалось отказаться от взноса казенных платежей. Авторы манифеста предупреждали иностранные государства, что русский народ не допустит уплаты долгов по займам, которые заключило или намерено заключить не пользующееся его доверием и воюющее с ним царское правительство⁸. Московский Совет рабочих депутатов, в свою очередь, поддержал «Финансовый манифест» и поставил под ним свою подпись⁹.

⁵ «Пятый год». Сборник первый. М. 1925, стр. 13, 25, 26, 66, 68, 120.

⁶ Там же, стр. 126.

⁷ См., например, Г. В. Самойлов, П. В. Крауков. «Севастопольский пожар». «Вопросы истории», 1975, № 11.

⁸ «Высший подъем революции 1905—1907 гг.». Документы и материалы. Ч. 1. М. 1955, стр. 25—26.

⁹ Там же, стр. 644—645.

В. И. Ленин рассматривал этот документ как фиксированное соглашение социал-демократии и революционной мелкобуржуазной демократии для насущных нужд борьбы, как оформление политической коалиции революционных партий и беспартийных организаций, как практическое выражение идеи революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян, провозглашенной в виде угрозы царизму и призыва ко всему народу претворить ее в жизнь¹⁰. В ответ реакция нанесла новый удар по пролетариату. 2 декабря правительство закрыло 8 газет, напечатавших полностью или в изложении «Финансовый манифест». В тот же день появился царский указ, который вводил «Временные правила», названные народом каторжным законом, о запрещении забастовок и наказании забастовщиков тюремным заключением. Правительство шаг за шагом отбирало даже те крохи свобод, которые народ под руководством пролетариата и его партии отвоевал в дни предшествовавшей упорной борьбы. 3 декабря был арестован Исполком Петербургского Совета рабочих депутатов во время обсуждения вопроса о всеобщей политической стачке.

Большевики и меньшевики по-разному представляли себе ее характер: меньшевики рассматривали стачку как сугубо демонстративную акцию, большевики же — как переход к вооруженному восстанию. Представители петербургских большевиков Б. М. Кнуньянц и П. А. Красиков говорили, что «момент для всеобщей забастовки наступил», но «одной забастовкой мы не удержимся, забастовка связана с выступлением на улице». С ними согласились делегаты от рабочих Василеостровского и Московского районов, также заявившие, что предстоящая забастовка связана с восстанием. Когда в помещении Вольного экономического общества, где шло заседание, ворвался наряд полиции и солдат, были схвачены члены Исполкома и 230 делегатов Совета. В числе арестованных было несколько членов ЦК и ПК РСДРП. Хотя заседавшие успели разорвать документы, полиции удалось собрать их, склеить и прочесть. Там оказались адреса штаб-квартир районных организаций РСДРП, боевых дружин и другие ценные сведения¹¹.

4 декабря утром с участием В. И. Ленина происходило совещание ЦК и ОК РСДРП и петербургских с.-д. организаций. Было принято решение о неизбежности и необходимости выступления в форме всеобщей стачки. Вечером, на собрании восстановленного Исполкома Совета рабочих депутатов, выявилось настроение, царившее в районах, на предприятиях и в профсоюзах, — в пользу всеобщей стачки. Окончательное решение должен был принять полностью восстановленный Совет, выборы депутатов в который (взамен арестованных) проходили 5 декабря¹². В Москву выехал представитель ЦК РСДРП и Исполкома Петербургского Совета И. А. Саммер («Любич»), чтобы будодить колебавшийся Всероссийский железнодорожный союз (ВЖС) и открывавшуюся конференцию делегатов от 29 железных дорог к организации железнодорожной забастовки, без которой после октябрьских событий уже не мыслился успех всеобщей политической стачки в стране. Петербургский комитет РСДРП издал листовку, призывая столичных рабочих ответить на вызов самодержавия всеобщей стачкой: «Эта стачка охватит всю страну, рабочие всей России смотрят на вас, ожидая вашего призыва. Зовите же их, товарищи! Зовите не словами, а делом, — бастуйте, и ваши забастовки отзовутся всероссийской стачкой рабочих... И грозное безмолвие всеобщей стачки мы претворим в единый клич: Да здравствует вооруженное восстание измученного самодержавием народа!»¹³.

В Москве на пленуме Совета рабочих депутатов 4 декабря обсуждались события последних дней в столице. С гневом и возмущением говорили ораторы об аресте «своего старшего брата» — Петербургского Совета, о закрытии левых газет. Депутаты склонялись к необходимости перейти к самой решительной борьбе. Произвело впечатление и обстоятельное сообщение о волнениях в частях московского гарнизона: 2 декабря вспыхнуло восстание в Ростовском полку, в гарнизоне возник Совет солдатских депутатов, в который были избраны представители от различных воинских частей. Этот Совет делегировал своих уполномоченных в Совет рабочих депу-

¹⁰ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 383—384.

¹¹ «Высший подъем революции...». Ч. 1, стр. 440—442, 443, 858—859.

¹² «Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП». М. 1930, стр. 59; «Высший подъем революции...». Ч. 1, стр. 444—445.

¹³ «Листовки петербургских большевиков 1902—1917 гг.». Т. 1. Л. 1939, стр. 287.

татов. Правда, в момент, когда шло заседание последнего, восстание ростовцев уже подавили. Однако революционный дух в войсках сохранялся, и это вселяло надежду, что в случае немедленного выступления пролетариата можно будет рассчитывать на поддержку солдат. После продолжительных дебатов депутаты пришли к выводу: прежде, чем наметить дальнейшие действия, необходимо опросить рабочих, выявить и учесть их волю. Совет постановил провести с этой целью 5 декабря массовые рабочие собрания на всех предприятиях Москвы, а затем собраться для принятия решения¹⁴.

На фабриках и заводах, в типографиях и мастерских рабочие единодушно высказывались за всеобщую забастовку и вооруженное восстание. Московский пролетариат не растратил своей боевой энергии и готов был довести борьбу до победного конца. Рабочие-печатники типографии И. Н. Кушнерева постановили: «Правительство сделало последнюю попытку нанести нам решительный удар: в Петербурге арестован Совет рабочих депутатов, собрания разгоняются. Мы готовы ответить на этот вызов правительства всеобщей забастовкой, надеясь, что она может и должна перейти в вооруженное восстание»¹⁵. Аналогичные резолюции принимались на других собраниях. Рабочие знали, что оружия мало, что дружинники вооружены слабо, что их ожидают большие трудности. Но они были полны энтузиазма и настаивали на решительном выступлении. На конференции делегатов от 29 железных дорог (заседавшей в доме № 12 по Большому Палашевскому переулку) речи произнесли И. А. Саммер и представитель МК РСДРП М. Н. Лядов. Им удалось переломить настроение, прежде господствовавшее на конференции, и убедить железнодорожников в необходимости выступить совместно со всем рабочим классом.

Вечером 5 декабря несколько сот делегатов собрались на общегородскую конференцию большевиков. Дружинники охраняли училище Фидлера, где она проходила, и тщательно проверяли каждый мандат. Вступительным словом заседание открыл руководитель МК РСДРП В. Л. Шанцер («Марат»). По отзыву его соратника М. И. Васильева-Южина, Виргилий Леонович пользовался большим уважением и авторитетом в организации. Он был талантливым человеком, образованным марксистом, убежденным большевиком, хорошим организатором, умевшим находить нужных для дела людей и вовлекать их в кипучую работу¹⁶. Московский комитет, обсуждавший предварительно вопрос о стачке и восстании, считал нужным предосудить окончательное решение партийной конференции, чтобы решение было вынесено рабочими самостоятельно. Вот почему В. Л. Шанцер призвал делегатов отнестись к обсуждаемому вопросу самым внимательным образом. Выступил также И. А. Саммер, изложивший ход событий в Петербурге. Один за другим поднимались на трибуну представители фабрично-заводских большевистских ячеек и докладывали о результатах обсуждения на рабочих собраниях вопроса о забастовке и восстании. Суть сводилась к тому, что восстание необходимо. Особенно ярко эта мысль была выражена большевиком-рабочим из железнодорожных мастерских: «Мы всю ночь ковали и куем оружие, если вы и дадите приказ воздержаться от вооруженного выступления, мы все равно выйдем; рабочий класс готов биться, и Московский комитет большевиков должен взять на себя руководство восстанием»¹⁷. Таким образом, вопрос о форме борьбы с самодержавием был практически решен еще до конференции самими рабочими.

Руководители военной и боевой организации обрисовали состояние подготовки к восстанию. Как справедливо подчеркнул член МК РСДРП М. И. Васильев-Южин, восстание при всех обстоятельствах неизбежно и действительно необходимо¹⁸. Отказаться от борьбы означало способствовать поражению революции. Бурными аплодисментами было встречено заявление представителя Всероссийской железнодорожной конференции о том, что она солидаризируется с Советами рабочих депутатов Петербурга и Москвы и готова призвать к всеобщей политической забастовке, как только будет принято решение о ее начале. Подавляющим большинством голосов конферен-

¹⁴ «Высший подъем революции...». Ч. 1, стр. 645—647.

¹⁵ Там же, стр. 647.

¹⁶ М. И. Васильев-Южин. В огне первой революции. М.-Л. 1931, стр. 56.

¹⁷ «1905 год в Москве». М. 1955, стр. 148.

¹⁸ М. И. Васильев-Южин. Указ. соч., стр. 179.

ция высказалась за всеобщую забастовку и восстание. Закрывая конференцию, В. Л. Шанцер сказал, что если раньше еще могли быть колебания и сомнения, то с принятием такого решения для них не остается места; теперь нужны строжайшая дисциплина сверху донизу, беспрекословное подчинение всем руководящим органам, постоянная близость к массам — вот обязанности каждого члена партии¹⁹. Учитывая волю рабочего класса, конференция приняла решение предложить Московскому Совету рабочих депутатов начать всеобщую политическую забастовку, которая должна будет перерасти в вооруженное восстание. Поздним вечером 5 декабря стало известно, что даже конференция московских меньшевиков высказалась тогда за решительное выступление. Как констатировал М. Н. Лядов, она пошла за большевиками, а не за своими вождями²⁰.

6 декабря пленум Московского Совета после выступлений депутатов крупнейших предприятий, представителей железнодорожной конференции, почтово-телеграфного съезда и польского пролетариата единогласно принял решение объявить в Москве всеобщую политическую забастовку с перерастанием ее в вооруженное восстание. Принятое и широко распространенное затем воззвание призывало рабочих начать 7 декабря забастовку и беспощадную борьбу с преступным правительством, призывало солдат к переходу на сторону восставшего народа, а всех граждан — к оказанию всемерной помощи восставшим рабочим и солдатам, чтобы объединенными усилиями свергнуть царизм и установить демократическую республику. Пленум постановил возложить руководство забастовкой и «дальнейшими решительными актами» на Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов и представленные в нем революционные партии²¹. Последние в связи с этим образовали Информационное бюро, в которое вошли Федеративный совет РСДРП, созданный еще 22 октября, представители других революционных организаций, а также с правом совещательного голоса — редактор «Известий Московского Совета рабочих депутатов», единственной газеты, которую Совет разрешил выпускать на время забастовки. Так пролетарская Москва взяла на себя почин боевого выступления в декабре.

Утро 7 декабря началось в Москве митингами и собраниями на предприятиях. Рабочие с удовлетворением говорили о решениях Совета. В полдень раздалась фабрично-заводские гудки, а на вокзалах — свистки паровозов, возвещая о всеобщей политической забастовке. На следующий день на работу не вышло 150 тыс. человек. 8 декабря остановились фабрики и заводы в Петербурге, где забастовали свыше 100 тыс. рабочих. В течение нескольких дней политическая забастовка охватила всю Россию. Один за другим к ней присоединялись Екатеринбург, Ревель, Нижний Новгород с Сормовом, Кострома, Одесса, Тифлис, Вильно, Ковно, Киев, Харьков, Тверь, Смоленск, Тамбов, Рига, Николаев, Баку, Ченстохов, Гомель... Начавшаяся, как и в октябре, на московском железнодорожном узле, забастовка в 5 дней парализовала работу почти всей железнодорожной сети страны. На этот раз, однако, царизму удалось не допустить прекращения движения поездов между Петербургом и Москвой. Это обстоятельство отразилось затем на борьбе рабочих столицы, ослабив ее. А в Москве прекратили работу не только фабрики, заводы и железные дороги, но и кустарные и ремесленные мастерские, конторы, учреждения, школы, магазины, театры, городской транспорт. Организаторами стачки, органами новой революционной власти и руководителями вооруженного восстания выступали Советы. Московские общегородской и районные Советы принимали меры для охраны имущества на предприятиях, регламентировали торговлю, регулировали внесение квартирной платы. По их рекомендации в городе велась интенсивная агитационно-пропагандистская кампания о значении всеобщей политической стачки и предстоящего вооруженного восстания.

С самого начала забастовки царская администрация приняла меры для ее срыва. Москву объявили на положении чрезвычайной охраны. Начались обыски, массовые аресты, нападения войск и полиции на забастовщиков. Вечером 7 декабря был арестован Федеративный совет РСДРП, в состав которого среди других входили

¹⁹ М. Лядов. Из жизни партии в 1903—1907 гг. М. 1926, стр. 127.

²⁰ Там же, стр. 128.

²¹ «Высший подъем революции...». Ч. 1, стр. 648.

В. Л. Шанцер и М. И. Васильев-Южин. Руководству движением был нанесен ощутимый урон. Вечером следующего дня войска и полиция ворвались в сад «Аквариум», осадили театр, где проходил многолюдный митинг, и начали бесчинствовать. Разгон митинга, обыски и аресты его участников вызвали возмущение среди москвичей. Особой силой оно достигло, когда на исходе 9 декабря власти подвергли артиллерийскому обстрелу училище Филлера. В этом помещении наряду с дружинниками находилась тогда учащая молодежь. Несколько человек было убито, многие ранены, затем свыше 100 человек арестовано.

План восстания складывался в ходе борьбы, причем нередко творцами его становились сами рабочие. Так, на митингах в Симоновой слободе, в столовой котельного завода Бари ораторы предлагали захватить арсенал и вооружиться, завладеть Кремлем, направиться к дому генерал-губернатора, арестовать царскую администрацию и занять полицейские участки²². Рабочие жаждали дела и искали выхода своей революционной энергии, спрашивая своих депутатов в Совете о дальнейших действиях. На одном из митингов в Замоскворечье 9 декабря из рядов слушателей раздавались голоса, настойчиво требовавшие: «Ведите нас на баррикады или кончайте забастовку!»²³.

Вечером 9 декабря москвичи начали строить баррикады. Первые две перегородили Тверскую улицу на перекрестке с Садовым кольцом. Ни внезапные орудийные залпы, ни беспорядочная винтовочная стрельба, ни атаки разъездов драгун и казаков — ничто уже не могло остановить революционный порыв вышедших на улицы масс. В те дни «организации отстали от роста и размаха движения»²⁴, — писал В. И. Ленин. Но почин масс был подхвачен и одобрен. Восстановленный к тому моменту Федеративный совет РСДРП предложил районам повсеместно строить баррикады. На улицы вышли рабочие, студенты, ремесленники, часть обывателей и принялись за сооружение баррикад. «Вся Москва представляла какой-то муравейник, все словно по волшебству рубили, пилили, строили баррикады», — рассказывал впоследствии член МК РСДРП В. Ф. Войткевич («Алексей Иванович») ²⁵. Город быстро покрылся густой их сетью, отделявшей рабочие окраины от центра, куда власти стянули верные им войска. Три главные линии баррикад протянулись параллельно. Первая, ближайшая к центру, — вдоль Бульварного кольца от Покровских ворот до Арбата; вторая — по кольцу Садовых улиц от Сухаревой башни до Смоленской площади; третья — от Бутырской заставы через Тихвинскую улицу, Камер-Коллежский вал, Александровскую улицу, Старую и Новую Божedomку, Селезневскую и Пименовскую улицы к Тверской заставе, а потом к Дорогомилдовской²⁶. Забаррикадированы были также многие промежуточные улицы и переулки. Много баррикад было в Замоскворечье. Они загородили все выходы на Калужскую площадь, пересекли в нескольких местах Б. Калужскую, Шаболовку и Донские улицы. Появились баррикады в Лефортове и Хамовниках.

Вскоре развернулись бои. Дружина мастерских Брестской железной дороги, поддержанная толпой, пыталась 10 декабря захватить дом градоначальника на Тверском бульваре, а дружина Миусского трамвайного парка в течение нескольких часов атаковала Бутырскую тюрьму. В разных концах города дружинники нападали на полицейские участки, разоружали на улицах «стражей порядка» и военные патрули, захватывали оружейные магазины и уносили оттуда оружие. Еще перед началом стачки почти все члены МК РСДРП разошлись по районам и оставались там на все время восстания. В первые дни стачки Исполнительная комиссия МК РСДРП и Исполком Совета рабочих депутатов поддерживали связь с районами и регулярно получали необходимую информацию, дававшую возможность руководить событиями. Но с началом восстания связи ослабли, а затем и совсем оборвались. В распоряжении революционных руководящих организаций не имелось никаких постоянных квартир (почти ежедневно они менялись), телефонов, средств передвижения. Прак-

²² Там же, стр. 797.

²³ «Декабрьское восстание в Москве 1905 г.». М. 1919, стр. 237—238.

²⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 13, стр. 370.

²⁵ «Пятый год». Сборник первый, стр. 70.

²⁶ «Молва», 14.XII.1905; «Высший подъем революции...». Ч. 1, стр. 667, 671.

тически непосредственное руководство борьбой масс перешло к районным Советам рабочих депутатов²⁷. Связь Московского комитета с ЦК РСДРП, особенно с началом всеобщей забастовки, тоже была затруднена и нерегулярна.

В. И. Ленин с нетерпением ждал информации из Москвы. А. В. Луначарский, который часто общался с В. И. Лениным в те дни, в воспоминаниях отмечал, что далеко «не всегда вовремя приходили вести из Москвы; В. И. Ленин с жадностью вникал в каждую строчку приходивших сообщений, в каждое слово приезжавших отсюда товарищей»²⁸. 10 декабря Владимиру Ильичу стало известно о начавшемся в Москве вооруженном восстании: «Ленин считал вполне правомерной и вполне естественной эту попытку перед лицом наступления правительства перевести движение в более высокую форму»²⁹. Он срочно созвал совещание членов ЦК совместно с работниками военной и боевой организаций Петербургского комитета РСДРП. Совещание проходило в доме № 55/6 на углу набережной р. Фонтанки и площади Чернышева, в квартире, хозяином которой был Л. Б. Красин. В совещании участвовали В. И. Ленин и «ответственный техник, финансист и транспортер» партии Л. Б. Красин, возглавлявший объединенную военную организацию столичной организации РСДРП член ЦК В. П. Ногин, работники военной организации В. К. Слуцкая и давно сотрудничавший с большевиками В. А. Антонов-Овсеенко, члены боевой организации И. И. Павлов и В. С. Цыцарин, а также другие партийные работники. Обсуждались меры помощи восставшей Москве. Решено было разрушить линию Николаевской железной дороги, чтобы помешать переброске туда правительственных войск. В. И. Ленин поддержал предложения попытаться поднять восстание в некоторых частях петербургского гарнизона, которые, по данным военной организации, были готовы перейти на сторону революционного народа. «Владимир Ильич спросил меня, — вспоминал В. С. Цыцарин, — можно ли организовать боевую дружину из рабочих Невской заставы. Эта дружина должна будет пойти в казармы Новочеркасского полка, квартировавшего в то время на Большой Охте, убрать дежурных офицеров и вывести солдат на улицу... Я заявил, что боевую дружину организовать можно. Владимир Ильич сказал, что дальнейшие указания я получу от «Дяденьки» [партийная кличка Л. М. Книпович, секретаря ЦК РСДРП. — Г. Д.]. Я предпринял некоторые предварительные шаги»³⁰. Оказалось, однако, что революционные настроения в гарнизоне преувеличивались. Поднять полки, казавшиеся готовыми выступить на улицу, не удалось. В. А. Антонов-Овсеенко, который намерялся в качестве командира восставшего гарнизона, к исполнению своих обязанностей так и не смог приступить³¹.

В связи с арестом агента ЦК РСДРП по Центральному району страны и представителю ЦК в МК партии В. Л. Шанцера, большевистским центром решено было немедленно укрепить Московское бюро ЦК РСДРП³². Член ЦК партии Л. Б. Красин после отъезда делегатов на Таммерфорскую конференцию задержался на несколько дней в Петербурге для реализации намеченных мероприятий по оказанию помощи восставшей Москве. Надо было удовлетворить, в частности, потребность москвичей в бомбах и других «технических средствах». Бомбы туда доставляла член боевой группы при ЦК Ф. И. Драбкина³³. Опасный груз запалов из гремучей ртути привезла московским боевикам В. Н. Кольберг³⁴. В другой раз гремучую ртуть и бикфордов шнур доставил Д. А. Павлов, о подвиге которого известно, в частности, по описанию

²⁷ «Москва в декабре 1905 г.». М. 1906, стр. 142.

²⁸ А. В. Луначарский. Воспоминания и впечатления. М. 1968, стр. 112.

²⁹ Там же.

³⁰ В. С. Цыцарин. В дни Московского вооруженного восстания. «Об Ильиче. Воспоминания питерцев». Л. 1970, стр. 136.

³¹ Там же, стр. 137; В. Антонов-Овсеенко. В дни натиска и бури. «Красный флот», 1924, № 2.

³² «История Коммунистической партии Советского Союза». Т. 2. М. 1966, стр. 144; «Военные организации пролетариата и опыт его вооруженной борьбы. 1908—1917». М. 1974, стр. 106.

³³ См. Ф. И. Драбкина. В дни Декабрьского восстания. «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов. Материалы, воспоминания, исследования». М. 1957, стр. 92—96.

³⁴ В. Н. Кольберг. Из дальних лет. Там же, стр. 79—81.

А. М. Горького. Писатель вспоминал впоследствии, как Митя Павлов, сормовский рабочий, в дни восстания привез из Петербурга большую коробку капсюлей гремучей ртути и 15 аршин бикфордова шнура, обмотав его вокруг груди. «От пота шнур разбух или слишком туго был обмотан вокруг ребер; войдя в комнату ко мне,— рассказывал А. М. Горький,— Митя свалился на пол, лицо его посинело, глаза выкатились, как это бывает у людей, умирающих от асфиксии.— Вы с ума сошли, Митя? Ведь Вы могли дорогой упасть в обморок, понимаете, что тогда было бы с Вами? — Задыхаясь, он ответил виновато: — Пропал бы шнур и капсюли тоже»³⁵. Д. А. Павлову оказывали медицинскую помощь, а он интересовался, держится ли еще Пресня и сколько удастся приготовить бомб из привезенного материала. «О себе же, о той опасности, которую он только что избежал,— ни слова»,— подчеркивал А. М. Горький, восхищаясь героическим подвигом своего земляка.

13 декабря ЦК РСДРП совместно с ОК обратились с призывом ко всему народу поддержать московское восстание. «Москве нужна общая поддержка всей России»,— подчеркивалось в воззвании. Особый призыв был адресован петербургским рабочим: сделать все возможное, чтобы продолжить борьбу, превратить свою забастовку во всеобщую, прекратить торговлю, прервать почтовую связь и железнодорожное сообщение, давать вооруженный отпор полицейским силам³⁶.

В Москве для царской администрации создано уже 11 декабря критическое положение. Восстание охватило весь город и пригороды. Генерал-губернатор Ф. В. Дубасов, еще раньше начавший беспокоить Петербург тревожными депешами, на этот раз обратился с телеграммой сразу в три адреса — к председателю Совета министров, военному министру и управляющему министерством внутренних дел: «Положение становится очень серьезным; кольцо баррикад охватывает город все теснее; войск для противодействия становится явно недостаточно. Совершенно необходимо прислать из Петербурга хоть временно бригаду пехоты»³⁷.

Каково же было соотношение борющихся сил в Москве? Согласно «Наряду войск», 11 декабря для активных действий против восставших было предназначено 13 1/2 роты пехоты (675 штыков), 5 эскадронов драгун (175 сабель), 3 сотни казаков, 16 орудий и 8 пулеметов. Кроме того, для охраны главного телеграфа, почтамта, телефонной станции, важнейших учреждений, вокзалов, промышленных предприятий, тюрем использовалось 10 рот пехоты (500 штыков), 5 эскадронов драгун, 2 сотни казаков, 2 орудия. Особые силы — 3 роты и 4 пулемета — выделялись для охраны Кремля, и они же составляли последний резерв командования³⁸. Иными словами, из всего гарнизона практически использовались с разной целью 2300 человек. Остальные войска оказались «неблагонадежными». Их пришлось обезоружить и залпереть в казармы под охраной караулов. Казалось, что к началу забастовки военные власти укрепили гарнизон. Напуганные революционными выступлениями солдат, они, в частности, демобилизовали запасных, считая их наиболее восприимчивыми к революционной пропаганде, и немедленно отправили по домам. Но рабочие вступали в контакты с солдатами, братались с ними, призывали к совместной борьбе. Московский пролетариат дал поистине великолепные образцы идейной обработки войска, проявив при этом отвагу и геройство. В гарнизоне стали проявляться колебания. Только энергичные меры, принятые командованием, предотвратили переход войск на сторону восставших. Изоляция подавляющей части гарнизона оказалась достижением революции, однако все же недостаточным для успеха восстания.

Контрреволюционным силам противостояли примерно 8 тыс. революционных бойцов, из которых только часть была вооружена и обучена. К моменту восстания последних насчитывалось около 2 тыс. человек³⁹. Нехватка оружия отразилась на

³⁵ А. М. Горький. Собр. соч. Т. 15. М. 1951, стр. 326; В. Д. Павлов. Дмитрий Павлов. Л. 1975, стр. 53—62.

³⁶ Цит. по: Н. Н. Яковлев. Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М. 1957, стр. 178.

³⁷ Н. Н. Яковлев. Указ. соч., стр. 178; «Высший подъем революции...». Ч. 1, стр. 676—677.

³⁸ «Высший подъем революции...». Ч. 1, стр. 728.

³⁹ «Проблемы гегемонии пролетариата...», стр. 168.

росте численности непосредственно сражавшихся. Зато число тех, кто оказывал активное содействие дружинникам, было много больше. Они строили и быстро восстанавливали разрушенные войсками баррикады (а для этого требовались тысячи рабочих рук), кормили дружинников, давали им приют в своих квартирах, оказывали первую помощь пострадавшим и т. д., и т. п. Особенно большую помощь дружинникам оказывали врачи, медсестры, санитары, которые подбирали раненых, перевязывали их, доставляли в медпункты или больницы. Медико-санитарная служба была заранее организована боевой организацией МК РСДРП, а также профсоюзом медицинских работников. В числе принимавших участие в вооруженном восстании и в оказании медицинской помощи пострадавшим были большевики Е. А. Леви, А. А. Бабаева, И. В. Русаков⁴⁰ и многие другие.

Рабочие окраины Москвы с самого начала находились в руках восставших. 10 декабря возникла «Симоновская республика». Хозяином положения здесь был Совет рабочих депутатов. Старые власти исчезли. Полицейские были разоружены и попрятались. Член МК РСДРП И. Ф. Дубровинский, находившийся в этом районе, непрерывно выступал на митингах, вел большую организаторскую работу, вдохновлял массы на борьбу. Боевые дружины совершали рейды в центр города и участвовали там в боях. Революционный порядок в районе обеспечивал Совет рабочих депутатов, организовавший патрулирование улиц рабочими, вооруженными холодным оружием. Очагом восстания являлся Рогожский район. Таганская площадь и примыкающие к ней улицы были покрыты баррикадами, преграждавшими путь войскам из центра. Под контролем боевых дружин мастерских Курской ж. д. и товарных станций Курской и Нижегородской дорог находился подрайон между Покровской и Рогожской заставами, Владимирским шоссе и Рогожским кладбищем. Несколько мощных баррикад надолго изолировали и этот подрайон. Главными опорными пунктами революционеров в Рогожском районе стали завод Гужона, рабочие которого впервые участвовали во всероссийской забастовке, и мастерские Курской ж. д. Представителем МК РСДРП в этом районе была Р. С. Землячка, а партийным организатором района — рабочий-металлист, участник Обуховской обороны и Бакинской стачки в декабре 1904 г., член РСДРП с 1900 г. И. М. Голубев⁴¹. Трудно было проникнуть войскам в этот район. Отряд казаков, охранявший завод Гужона, с началом восстания осадили дружинники. Высланный ему на помощь эскадрон драгун не смог пробраться через заграждения. Только роте Самогитского пехотного полка из Покровских казарм в конце концов удалось достигнуть цели и деблокировать оказавшиеся в критическом положении царские войска⁴².

Мужественно вела себя в боях дружина станции Люблино, которую организовал и возглавил рабочий Курской ж. д. большевик Я. Я. Чистов. Храбро сражался во главе другой дружины рабочий-металлист большевик В. Г. Шумкин⁴³. Одним из районов наиболее ожесточенной борьбы явилась Каланчевская площадь с вокзалами и примыкающими к ней улицами. Здесь действовали железнодорожные дружины под руководством большевиков Д. М. Котляренко, С. С. Белорусова, А. И. Горчилина⁴⁴. Партийным организатором в железнодорожном районе был Н. Н. Мандельштам («Михаил Миронович»), а представителем МК РСДРП — А. В. Шестаков («Никодим»)⁴⁵. В ходе боев к железнодорожникам присоединилась дружина из Сокольников во главе с рабочим-большевиком Г. Г. Ястребовым. Одним из начальников отряда дружинников, действовавшего в районе вокзалов, был машинист, хорошо знакомый с военным делом, А. В. Ухтомский⁴⁶. Дубасову удалось еще 7 декабря, опере-

⁴⁰ «Герои Октября». М. 1967, стр. 71, 239.

⁴¹ Там же, стр. 216—217.

⁴² Н. Н. Яковлев. Указ. соч., стр. 179.

⁴³ «Герои Октября», стр. 227, 252—253.

⁴⁴ Н. Н. Яковлев. Указ. соч., стр. 191; «Герои Октября», стр. 48—49.

⁴⁵ «Пятый год». Сборник первый, стр. 79—92; «Декабрьское восстание в Москве 1905 г.», стр. 31—34.

⁴⁶ «Я чувствовал,— вспоминал А. В. Шестаков,— что должность начальника дружины необходимо передать более знающему военное дело, чем я, который впервые «нюхал порох». Как отмечал А. В. Шестаков, более других подходил к этой роли машинист Ухтомский, бывший унтер-офицер («Путь к Октябрю. Сборник статей, воспоминаний и документов». М. 1923, стр. 16).

див революционеров, занять Николаевский вокзал. Наибольшего напряжения достигли бои в районе Каланчевских улиц 11—13 декабря. Ежедневно совершалось по несколько атак против превосходивших сил противника, в распоряжении которого были 2 орудия и 4 пулемета. Артиллерийский огонь срывал наступление дружин, которые базировались на Казанском вокзале и линии железной дороги, очищенной от полицейских на всем протяжении до Голутвина. В то же время дружинникам удавалось справиться с драгунами и казаками, атаковавшими их на Краснопрудной и Красносельской улицах.

Много хлопот доставляло врагу и расположенное ближе к центру города рабочее Замоскворечье. Оно управлялось Советом рабочих депутатов, заседавшим в столовой текстильной фабрики Цинделя. Здесь же размещался районный комитет РСДРП во главе с В. М. Савковым («Тимофеем»), членом МК РСДРП. В этом штабе восстания одно время работала и представительница МК РСДРП Р. С. Землячка. Другими опорными пунктами восставших в Замоскворечье являлись типография Сытина, где печатались «Известия Московского Совета рабочих депутатов», и завод братьев Бромлей. Население соорудило баррикады, чтобы воспрепятствовать или затруднить продвижение войск в этот район. Острый характер носили здесь схватки дружинников с войсками, не прекращавшиеся круглые сутки. 12 декабря ночью более 300 рабочих с фабрики Цинделя напали на драгун, охранявших завод Гивартовского, и обстреляли их. Той же ночью тяжелые бои шли на Серпуховской площади, когда две роты Киевского полка с эскадронам драгун и полусотней казаков стремились пробиться к типографии Сытина. Среди сражавшихся был здесь известный партийный литератор большевик Л. М. Михайлов («Политикус»). На противника обрушился огонь боевой дружины, засевшей в здании типографии. Наконец драгунам удалось ворваться в помещение, но дружинники успели скрыться. Враг поджег здание типографии и не давал революционерам гасить пожар.

Самоотверженно сражались рабочие в Бутырском районе, в котором, по выражению члена большевистского МК О. П. Иваницкой, «неведомые руки оплели все улицы проволокой и превратили их в вооруженный лагерь»⁴⁷. На рубеже, обращенном к центру города, — Большой Угольной площади, Садово-Каретной, Пименовской, Долгоруковской, Малой Дмитровке — шли непрерывные бои. Хорошо обученная дружина рабочих типографии Кушнерева, которой командовал А. Кайрович (служивший до того в армии)⁴⁸, успешно отражала набеги врага, нанося ему чувствительные удары. В ее рядах сражался один из организаторов союза печатников, большевик А. С. Борщевский. Запомнился участникам восстания черноглазый товарищ с молодым и звучным голосом, который убедительно и ярко выступал на собраниях и смело боролся с оружием в руках. То был В. М. Загорский («Денис»). По соседству с Пресней, на Миусской площади, на Лесной и других прилегающих улицах вела бои дружина Миусского трамвайного парка (включая также рабочих городской типографии и табачной фабрики Габай), руководимая большевиками М. П. Виноградовым и П. М. Щепетильниковым. Они поддерживали связь с пресненским штабом восстания.

Пресню восставшие превратили в крепость. Центром ее стала Прохоровская фабрика, где находились районный Совет рабочих депутатов и Военно-боевой штаб, который возглавлял большевик З. Я. Литвин-Седой. Представителем большевистского МК на Пресне являлся З. Н. Доссер («Леший»). «Пресненская республика» казалась неприступной для сил Дубасова. Жители ее чувствовали себя свободными гражданами. Никто не прерывал их революционных песен и смелых выступлений на собраниях. Революционный порядок поддерживался дружинниками, полицейских прогнали, а оружие у них отобрали. За разрешением любых конфликтов или вопросов население обращалось к народной власти — Совету рабочих депутатов или в штаб. На Пресне по инициативе этих органов были устроены столовые для дружинников, где они бесплатно питались по специальным талонам. Организатором и заведующей одной из них (в Предтеченском переулке, в городском училище имени

⁴⁷ О. П. И в а н и ц к а я («Елена»). Октябрь—декабрь 1905 г. в Бутырском районе. «Пятый год». Сборник первый, стр. 77.

⁴⁸ «1905 год на Кушнеревке». М. 1925, стр. 76.

Серебрякова-Копейкина) стала учительница-большевичка Н. Н. Колесникова (тогда Дробинская)⁴⁹.

Бои на Пресне разгорелись 11 декабря и продолжались дольше, чем в других районах города. Царские войска не смогли преодолеть заграждения и продвинуться вперед. Героические защитники Пресни нередко переходили в контрнаступление, совершали вылазки в центр города. В стычке на Арбате погиб замечательный большевик-рабочий И. В. Карасев, лидер партийной ячейки мебельной фабрики Шмита. В одной из наступательных операций участвовал М. В. Фрунзе со своими товарищами из Шуи и Иваново-Вознесенска. Рабочая разведка донесла, что по Москве-реке движется санный обоз в сопровождении солдат по направлению к Прохоровской фабрике. Дружинники поджидали их в засаде, а когда те приблизились, бросились в атаку. В результате они захватили 20 винтовок, 500 патронов и несколько саней, грузенных мукой.

Докладывая 15 декабря генерал-губернатору о сложившемся положении, градоначальник отмечал, что «некоторые местности... фактически уже находятся во власти восставших»⁵⁰. Боевые дружины московского узла железных дорог контролировали почти все линии, ведущие к Москве. Они наблюдали, чтобы движение ограничивалось только дальневосточными поездами. Бюллетень Московского окружного комитета большевиков сообщал, например, что в ночь на 13 декабря в Мытищах был задержан поезд, в котором со стороны Ярославля ехали в Москву запасные и новобранцы. Тех и других отправили по домам: новобранцев повернули обратно, а запасным разрешили следовать по направлению к Москве⁵¹. Подмосковный участок Казанской дороги представлял собой своеобразную республику, управляемую революционерами. На станциях Перово, Люберцы и других, вплоть до Голутвина, развевались красные флаги. Дружинники останавливали эшелоны из Маньчжурии и отбирали у офицеров оружие. На станции Люберцы к дружинникам присоединились 27 военных моряков, возвращавшихся с Дальнего Востока. Они принимали участие вместе с железнодорожниками в боях на Каланчевке. На протяжении всего периода восстания на разных участках Николаевской железной дороги рабочие и крестьяне многократно пытались прекратить движение, нарушить телефонную и телеграфную связь. Попытки взорвать полотно железной дороги и мосты, предпринимавшиеся боевиками из Петербурга и Москвы, не увенчались успехом. Но несколько сот крестьян у станции Кулицкая, неподалеку от Твери, сумели на несколько часов вывести из строя дорогу: они разгромили телеграф, спилили несколько телефонных и телеграфных столбов на линии и развинтили стыки рельсов.

Поддерживали восставших москвичей рабочие промышленных селений Подмосковья: Мытищ, Щелкова, Александрова, Люберец, Коломны, Раменского, Тушина, Филей, Всехсвятского, Ростокина и др., где в общей сложности бастовало до 40 тыс. рабочих. Советы рабочих депутатов в Мытищах и Александрове пользовались большим влиянием. В Александрове вспыхнуло вооруженное восстание. «Красный пояс», созданный большевиками вокруг Москвы, помогал в трудном испытании героическим борцам. Группы рабочих Подмосковья приняли и непосредственное участие в Московском восстании.

Опыт первых же часов восстания убедил дружинников, что при скорострельных и дальнобойных ружьях, пулеметах и орудиях баррикады солдатами легко простреливаются и разрушаются. Поэтому восставшие, как правило, в дальнейшем не занимали самих баррикад, а вели партизанскую войну. Еще 10 декабря боевая организация при МК РСДРП с учетом первого опыта уличной борьбы выработала и немедленно распространила по районам наставление о правилах ведения партизанской войны в условиях крупного города — «Советы восставшим рабочим». 11 декабря они были опубликованы в газете «Известия Московского Совета рабочих депутатов». Рекомендации, содержащиеся в этом документе, ставили своей целью научить дружинников достигать успеха малой кровью.

⁴⁹ «Высший подъем революции...». Ч. 1, стр. 780, 782; Н. Н. Колесникова. По дорогам подполья. Баку. 1973, стр. 24—44.

⁵⁰ «Высший подъем революции...». Ч. 1, стр. 685.

⁵¹ Там же, стр. 799.

Докладывая о сведениях, полученных по телефону из Москвы, о событиях за 11 и 12 декабря, министр внутренних дел П. Н. Дурново сообщал премьеру С. Ю. Витте: «Революционные дружины по-прежнему ведут партизанскую борьбу, действуя группами в три-четыре человека и преимущественно около проходных дворов, чтобы иметь возможность скрыться после нападения. Путем баррикад они хотят разредить город на отдельные кварталы и, препятствуя, таким образом, доступу войск в отдельные районы города, захватить постепенно город. В открытое столкновение с войсками они отказываются вступать и решили теперь не трогать регулярные части, избивая только казаков и полицию»⁵². В Москве из полицейских участков непрерывно теребили военное командование, требуя немедленной присылки войсковых нарядов⁵³. На Сухаревой площади дружинники напали на конвой солдат, сопровождавших кухню, и забрали у них ружья. На кондитерской фабрике Абрикосова попал в осадное положение второй полускадрон 1-го кавалерийского эскадрона. Дружинники, засевшие в соседних домах, держали под прицельным огнем все выходы из фабрики. Улицы и дороги, ведущие к фабрике, были забаррикадированы. В этих условиях кавалерия практически лишилась возможности действовать. На Садово-Кудринской, во дворе здания штаба Гренадерского корпуса, находился сборный пункт для войсковых частей прилегающего района. Дружинники заняли соседние дома и подвергли обстрелу войска. В окружение попала полусотня казаков, находившаяся в Пресненском полицейском доме. Она оказалась полностью «отрезана и не имела возможности отсюда выбраться»; в связи с этим офицеры просили прислать «пеший отряд» для уничтожения баррикад на Кудринской, за которыми «засела масса вооруженных революционеров», дабы дать возможность выбраться казакам. Говоря о событиях 14 декабря в Москве, петербургская буржуазная газета «Право» заключала: «Активная, боевая сила революционеров, конечно, не поддается никакому, даже приблизительному учету. Но, во всяком случае, эта сила еще велика. Войска утомлены страшно, страшно ожесточены и в таком напряженном состоянии долго быть не могут»⁵⁴.

О подвигах дружинников складывались среди населения настоящие легенды. Находчивостью, мужеством, героизмом дружинников восхищались. Дубасов не осмеливался вести решительные наступательные операции на забаррикадированные рабочие районы. Но революционеры ограничились преимущественно оборонительной тактикой. Если бы они наступали и наносили удары посильнее, то при сложившемся в первые дни восстания соотношении сил и начавшейся деморализации правительственных войск вряд ли Дубасов смог бы продержаться до прибытия подкреплений. Оборона — смерть вооруженного восстания! Москвичи выдвинули «новую баррикадную тактику», то есть тактику партизанской войны, но в достаточной степени ее не развили. Поэтому стали появляться симптомы кризиса восстания. Первые же трудности породили уныние и колебания среди вожаков московских организаций эсеров и меньшевиков. Еще 12 декабря Центральное бюро ВЖС, в котором преобладали эсеровские элементы, от своего имени и от имени конференции делегатов 29 дорог разослало по всем линиям железных дорог телеграмму, призывая к прекращению забастовки. Железнодорожники не приняли ее во внимание, но показателен самый факт капитулянтских, штрейкбрехерских действий ЦБ ВЖС. 14 декабря лидеры московских меньшевиков стали втихую поговаривать о желательности прекратить борьбу. Учитывая, однако, боевое настроение масс, они не решились внести такое предложение на заседании пленума Московского Совета рабочих депутатов 15 декабря, когда обсуждался вопрос о дальнейшей борьбе.

Между тем продолжались вооруженные восстания в Екатеринославе, в полосе Екатеринбургской и Севастопольской железных дорог, в Донбассе (вспыхнувшие почти одновременно с Московским), в Ростове-на-Дону, в Красноярске и Чите. Начались ранее, но к этому времени были уже подавлены восстания в Харькове, Александрове, Сормове, Канавине (Нижний Новгород), Мотовилихе (Пермь). Еще развевалось красное знамя над «Люботинской республикой» (близ Харькова), над «Ново-

⁵² Там же, стр. 677—678.

⁵³ Там же, стр. 669—676.

⁵⁴ Там же, стр. 705.

российской республикой»; бушевало пламя вооруженных восстаний в Латвии и Эстонии; разгоралось восстание в Грузии. Были попытки восстаний в Твери, Киеве, Саратове, Николаеве. Так и не смог подняться на вооруженную борьбу Петербург. Более того, столичные рабочие не в состоянии были дольше бастовать, и их стачка постепенно шла на убыль. Дурново в докладе царю писал: «Столь благоприятному исходу забастовки в значительной степени способствовали многочисленные аресты главных руководителей движения и представителей боевых дружин, расстроившие планы революционеров, не давая им возможности организовать. Кроме того, по обыску было отобрано у революционеров много оружия и захвачены мастерские, в которых изготовлялись взрывные снаряды»⁵⁵. Репрессии, несомненно, внесли дезорганизацию в ряды столичных рабочих. Но сказалась также оппортунистическая политика меньшевистского руководства исполкома Петербургского Совета⁵⁶. Когда обстановка в Петербурге «прояснилась», царь распорядился о посылке в Москву гвардейского полка.

Польские рабочие, также обессиленные предшествующей борьбой, в которой они принимали самое активное участие, оказались не в состоянии подняться на восстание. Сдерживала их 270-тысячная армия, расквартированная в Привислинских губерниях, которая была приведена в полную боевую готовность. Генеральный штаб счел возможным направить отсюда в Москву лишь Ладожский пехотный полк. В пути рабочие пустили под откос один из его эшелонов, и это задержало прибытие полка на несколько дней. Направленный в Москву из Барановичей 3-й железнодорожный батальон так и не доехал до места назначения. В Подмосковье железнодорожники побратались с солдатами, и командир вынужден был повернуть эшелон назад⁵⁷. Но с прибытием в Москву 15 декабря Семеновского полка, а на следующий день Ладожского пехотного соотношение сил сразу же резко изменилось в пользу контрреволюции. Правительственные войска прежде всего заняли все вокзалы. Специальный отряд под командованием полковника Римана в течение 16—20 декабря расправлялся с восставшими на подмосковных станциях Сортировочная, Перово, Люберцы, Голутвин, Раменское и других. Карательная экспедиция расстреляла Д. Зайцева, В. Тарарыкова, С. Виноградова, А. Ухтомского и многих других революционеров, попавших к ней в руки.

Восстание в Москве постепенно затухало. Отступавшие дружинники стекались на Пресню, которая продолжала мужественно сражаться. Рабочие Пресни проявляли чудеса героизма. Отборные силы царских войск окружили последний оплот восставших. В обороне Пресни принимал участие среди других студентов Московского университета большевик С. С. Спандарян⁵⁸. Сюда перебрался из Бутырского района В. М. Загорский. Здесь продолжал сражаться М. С. Николаев. Туго приходилось Семеновскому полку. «Во многих местах, — докладывал царю министр внутренних дел, — полк встретил со стороны революционеров упорное вооруженное сопротивление, и некоторые дома приходилось брать с боя»⁵⁹. При новом соотношении сил, когда враг, намереваясь сокрушить Пресню, сконцентрировал здесь не только превосходящие силы, но и военную технику, продолжать восстание было нецелесообразно. Руководители его 16 декабря решили прервать вооруженную борьбу и всеобщую стачку, чтобы сохранить силы. «Мы начали. Мы кончаем», — гласил приказ штаба пресненских боевых дружин о прекращении восстания с 18 декабря⁶⁰.

Газеты, поступающие в Таммерфорс, как вспоминала делегат большевистской конференции от Тульской организации П. Ф. Куделли, «приносили все новые и новые вести о Московском вооруженном восстании, с каждым днем все более безнадежные. Но велики были надежды на новый революционный подъем в Питере и вообще в России. Делегаты конференции не падали духом и бодрые, готовые к новому

⁵⁵ Там же, стр. 707.

⁵⁶ См. подробнее: И. С. С мо л и н. Революционная борьба петербургских рабочих в декабре 1905 г. «Ленинградская высшая партийная школа. Сборник статей кафедр общественных наук». Вып. 1. Л. 1960.

⁵⁷ ЦГВИА СССР, ф. 1606, оп. 1, д. 190, лл. 580—603.

⁵⁸ «Сурен Спандарян». М. 1958, стр. 6—7.

⁵⁹ «Высший подъем революции...». Ч. 1, стр. 89.

⁶⁰ Там же, стр. 688—689.

натиску на самодержавие, разбегались по своим комитетам»⁶¹. 18 декабря вместе с другими делегатами из Таммерфорса вернулся в Петербург В. И. Ленин. С ним встретился представитель МК РСДРП М. Н. Лядов. В. И. Ленин высказался за прекращение восстания в Москве⁶². Предстояла сложная операция по эвакуации и спасению прежде всего дружинников и их боевых руководителей. Эта операция была проведена сравнительно удачно. Непобежденные герои Пресни разными путями постепенно укрылись от врага, многие из них оказались вне Москвы. Градоначальник сокрушался: «Мятеж кончается волей мятежников, а к истреблению последних упущен случай»⁶³.

19 декабря, в соответствии с решением Московского Совета, работа в Москве повсюду возобновилась. «Декабрьское поражение... не оставило чувства горечи, разочарования, а сохранило решимость вести борьбу дальше»⁶⁴. Многие беспартийные рабочие, участвовавшие в вооруженном восстании в Москве, навсегда связали потом свою судьбу с большевистской партией. В их числе были Г. А. Пискарев, вступивший в большевистские ряды в ноябре 1906 г., П. А. Афоничев, И. Д. Елагин и многие другие⁶⁵. Пресня оказалась для правительства «крепким орешком». Бои продолжались здесь и после прекращения забастовки. Так, вплоть до 21 декабря длились военные действия частей Семеновского полка в районах Сахарного завода и Прохоровской мануфактуры⁶⁶. «Подвиг пресненских рабочих,— писал В. И. Ленин,— не пропал даром. Их жертвы были не напрасны. В царской монархии была пробита первая брешь, которая медленно, но неуклонно расширялась и ослабляла старый, средневековый порядок»⁶⁷.

Российский пролетариат и его партия сумели извлечь уроки из поражения Декабрьского вооруженного восстания. В статье «Уроки московского восстания» В. И. Ленин, проанализировав опыт, приобретенный в декабрьской вооруженной битве, подчеркнул, что успех вооруженного восстания невозможен без самой решительной борьбы за войско, за привлечение его на сторону восставших. Ленин разъяснял, что восстание как особого рода искусство может быть успешным только при смелом и решительном наступлении; поэтому важно научить массы умению вести наступательные военные действия⁶⁸. «Без такой «генеральной репетиции», как в 1905 году,— писал В. И. Ленин,— революция в 1917 как буржуазная, февральская, так и пролетарская, Октябрьская, были бы невозможны»⁶⁹. Опыт декабрьских боев 1905 г. был с успехом использован партией большевиков, рабочим классом в 1917 году.

⁶¹ П. Ф. Куделли. На Таммерфорсской конференции. «Об Ильиче. Воспоминания питерцев». Л. 1970, стр. 135.

⁶² См. подробнее: Г. М. Деренковский. К вопросу о заседании ЦК РСДРП в середине декабря 1905 г. «Вопросы истории КПСС», 1969, № 1, стр. 108—113.

⁶³ «1905 год в Москве», стр. 213.

⁶⁴ Н. Н. Мандельштам. Из прошлого. «Пятый год». Сборник первый, стр. 91.

⁶⁵ «Герои Октября», стр. 58, 224.

⁶⁶ «Высший подъем революции...». Ч. I, стр. 738—739.

⁶⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 386.

⁶⁸ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 13, стр. 369—377.

⁶⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 306.